

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЛЕКЦИЯ

УДК 1(091) + 101.9

В. Т. Звиревич

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Лекция

Лекция посвящена статусу историографии истории философии как научной дисциплины, ее целям, задачам и методологии историографических исследований. Выясняется также соотношение историографии, библиографии и рецензирования. Кроме того, представлено состояние историографической работы в СССР и постсоветской России.

Ключевые слова: история философии, историография истории философии, библиография, рецензия, техника историко-философского исследования.

Предмет, цели и задачи историографического исследования

Изучение истории философии — то, что мы называем историко-философской наукой, — имеет, в свою очередь, собственную историю. Изучение этой истории историко-философской науки мы и будем называть «историографией истории философии», или просто «историографией», придавая ей статус вспомогательной историко-философской дисциплины. Подобное значение термина «историография» по ряду причин, которые будут ясны при дальнейшем изложении, пожалуй, еще не очень закрепилось в среде философов, в то время как в среде историков этот термин уже очень давно имеет вполне определенное значение истории исторических знаний, касающихся той или иной эпохи, проблемы творчества отдельного историка и т. д. Например, в курсе лекций А. Л. Шапиро сказано: «Термин “историография” имеет также значение истории исторических знаний, исторической мысли, исторической науки в целом или в отдельной стране» [14, 3].

Таким образом, объектом историографии истории философии является процесс возникновения и дальнейшего развития историко-философских знаний вплоть до наших дней, представленный, разумеется, в творчестве отдельных историков философии как в их научных изысканиях, так и в учебных курсах. Представим объект историографии в виде, например, такой цепочки: Демокрит и Эпикур — философы; К. Маркс, написавший диссертацию о различии их натурфилософских воззрений, — историк философии; А. Г. Тихолаз, написавший, в свою очередь, диссертацию «Карл Маркс как историк античной философии» [13], — уже историограф.

Предмет же историографического исследования формируется, как нам представляется, только на основе тех целей, которые ставят перед собой историографы, и является достаточно многоплановым. В самом общем виде его можно описать следующим образом: историографы изучают смену парадигм историко-философского исследования, специфику концепций отдельных историков философии или целых направлений, их методологию, т. е. теоретико-философские основания их воззрений, их исследовательскую технику, а именно используемые источники, приемы их критики и т. п. Предмет историографии истории философии имеет, безусловно, и аксиологический аспект, заключающийся в определении роли и вклада того или иного историка философии или историко-философской школы в развитие и совершенствование наших представлений о философии прошлого и современности.

В итоге можно выделить два основных момента историографического исследования. Во-первых, изучение концепции историка философии и ее квалификацию, что прежде всего историографы и делают, к сожалению, этим зачастую ограничиваясь и не уделяя особо внимания второму, не менее важному компоненту историографической работы — изучению исследовательской техники историка философии. Поэтому на рассмотрении этого вопроса мы немного задержимся.

Итак, во-вторых, историограф должен изучить и оценить уровень исследовательской техники историка философии, его научно-исследовательскую подготовку. И прежде всего ему надо определить источниковедческую, эмпирическую базу историка философии, ибо от этого зависит обоснованность и достоверность выводов историка философии, его концепции. Непременным требованием, предъявляемым историографом любому историку философии, является требование опираться на первоисточники, независимо от того, касается это научной или учебной работы. Интересный русский исследователь неоплатонизма П. П. Блонский писал: «История философии изучает определенные факты — объективные данные в истории философской системы. Отсюда первой задачей истории философии является возможно точное наблюдение этих фактов, как они зафиксированы в сочинениях философов и свидетельствах о них современников. <...> Анализ сочинений философов — вот из чего должен исходить историк философии» [1, 275].

О том же самом, по сути дела, уже в наши дни говорил А. Ф. Лосев в программной, можно сказать, для историка философии статье «История философии как школа мысли»: «Не может быть квалифицированного знатока

философии без добротного знания ее истории — знания *не описательного, но непосредственно по источникам*» [9, 55]. Этого же он требует и от учащихся: «Условием повышения качества философской подготовки является активное обращение обучающихся к первоисточникам философской классики, всемерное ограничение школярского метода, насыщенного повторением тривиальных рассуждений из ходовых и, к сожалению, не всегда добротных учебных пособий» [Там же, 66].

Далее, историограф должен учитывать то обстоятельство, использует ли историк философии первоисточник на языке оригинала или ограничивается исключительно переводом. В любом случае, если есть возможность, от историка философии требуется сличение перевода с оригиналом. Так, известный советский историк философии А. С. Богомолов, осмысливая свою работу, писал о тщательном сличении переводов с оригинальными текстами, опираясь на определенное понимание раннегреческой философии, что позволяет разорвать «герменевтический круг» [2, 9].

Затем, историографу надо обращать внимание на то, как историк философии работает с первоисточниками, анализирует их, насколько ясно переводит и толкует терминологию философов, а не оперирует энигматическими словами, не имеющими реального содержания, как писал в свое время П. П. Блонский по адресу тех, кто не считал нужным переводить терминологию Платона [1, 277]. Для оценки уровня исследовательской техники историка философии также очень важно то, насколько он применяет при интерпретации источников данные и методы исторической и филологической науки, а также герменевтики. Как отмечал А. Ф. Лосев, «история философии опирается на данные *всех исторических наук*» [9, 55]. Однако не очень-то заметно, чтобы наши историки философии непременно обращались к историко-филологической литературе.

Реализация тех целей, которые ставит перед собой историограф, а, как мы уже сказали, цель исследования выражена в каком-либо из аспектов предмета историографии, предполагает также решение достаточно разнообразных задач. Отметим некоторые из них. Так, историографу необходимо изучать жизнь и интеллектуальную биографию историка философии, историческую и культурную обстановку эпохи, влиятельные философские учения и литературные течения того времени, уровень историко-филологических знаний.

В заключение первого вопроса укажем на значение историографической работы. Во-первых, историографические исследования способствуют формированию более объективных и разносторонних представлений об историко-философском процессе, так как показывают моменты объективного и субъективного в работах историков философии, их достижения и промахи, связанные с господствующей в их время научной и философской парадигмой мышления.

Во-вторых, историографические исследования служат источниковедческой базой для разработки теории историко-философской науки, дают тот эмпирический материал, осмысление и обобщение которого предстает затем в виде положений теории истории философии. Например, откуда бы взялось теоретическое положение о разных методах историко-философского исследования, если бы не изучались труды историков философии?

Библиография и историография, рецензия историко-философской работы с историографической точки зрения

Сначала поясним рассмотрение данного вопроса. Во-первых, мы будем иметь в виду библиографию в прямом смысле слова, т. е. библиографию историко-философской литературы. В этом качестве библиография является неоценимым подспорьем для историографа, так как дает ему репертуар источников для его исследования. Особенно ценна библиография историко-философской литературы, составленная по хронологическому принципу, а также персональному, поскольку она непосредственным образом представляет нам объект историографического исследования. В этом отношении надо отметить библиографические труды Б. В. Емельянова, который уже много лет работает в этой области. В частности, библиография российских работ по античной философии, да еще с некоторыми историографическими замечаниями, представлена в статье Б. В. Емельянова и А. А. Златопольской «Отечественное философское антиковедение: источниковедческий аспект» [12]. Вполне понятно, что такие публикации имеют большое значение для историографа, так как, по сути дела, являются подготовительным этапом историографического исследования.

Во-вторых, мы будем подразумевать под библиографией нечто весьма специфическое, а именно историографические обзоры, которые представляют собой хронологическое описание историко-философских работ какой-либо эпохи, страны или изложение содержания работ по какой-нибудь проблеме или трудов какого-нибудь одного историка философии без их должного историографического исследования в соответствии с его предметом, целями и задачами. Дело в том, что это простое описание содержания историко-философского сочинения свойственно именно библиографии, но никак не историографии. На это обстоятельство обращает наше внимание А. Л. Шапиро: когда говорят об историографии, «имеется в виду не простое библиографическое перечисление литературы, а ее анализ и критика» [14, 3]. Итак, повторяю, в данном случае мы употребили термин «библиография» не в его собственном значении, а метафорически.

Теперь мы хотели бы затронуть вопрос о рецензии на историко-философскую работу, поскольку, как правило, именно рецензии и пишутся в этом самом «библиографическом» духе. Но, по большому счету, рецензию на философское сочинение следует писать как историко-философскую работу, ибо философская книга — это факт истории философии, а рецензию на историко-философское сочинение, в свою очередь, нужно писать как историографическую работу, так как это объект историографии истории философии, требующий выяснения мировоззрения и концепции историка философии, его источниковедческой базы, техники исследования и т. п. Не буду критиковать других, а буду самокритичен и сошлюсь в качестве такой «библиографической» рецензии на одну из своих давних рецензий на книгу А. В. Семушкина «Эмпедокл» (М., 1985), опубликованную в журнале «Философские науки» (1987. № 3). В этой связи укажу также на свой историографический обзор «Проблемы историко-философского исследования в синологической литературе» [6].

Теоретические и методологические вопросы историографии истории философии

Теоретические и методологические вопросы историографии истории философии вполне правомерно, мы полагаем, можно рассматривать и характеризовать по аналогии с теоретическими и методологическими вопросами историко-философской науки.

Итак, каким образом для историка философии исходным является вопрос о начале (возникновении) философии, таким же образом для историографа является исходным вопрос о начале самой историко-философской науки. Когда и как она появилась? Вместе ли с возникшей философией или намного позднее? Каковы были первые формы историко-философских знаний? С какого времени можно говорить о превращении этих знаний в науку и каковы признаки этого? Наконец, кого следует считать «отцом истории философии» и в каком смысле? Ведь есть «отец философии» — Фалес, есть «отец истории» — Геродот. Ответы на этот вопрос разные. Б. В. Емельянов и К. Н. Любутин приводят принятую у нас в настоящее время точку зрения, что историко-философская наука начинается с «Лекций по истории философии» Г. Ф. Гегеля [4]. А вот историк философии Льюис (Дж. Г.), почти что современник Гегеля, высказываясь о своих братьях-историках философии, т. е. выступая в качестве историографа, называет «отцом истории философии» И. Бруккера, человека безмерной эрудиции, ученейшего немца, как он пишет в своей «A biographical history of philosophy» («Биографическая история философии») [15, 6]. Поясним, что И. Бруккер — историк философии XVIII в.; в России его работы издавались в том же веке. Вторым же по значению историком философии он считает Г. Риттера, которого аттестует так: «Ritter is Brucker of 19th century» («Риттер — это Бруккер девятнадцатого столетия»). Книгу Г. Риттера Льюис считает «солидным (improved) добавлением к Бруккеру» [Там же]. Отметим, что и работа Г. Риттера «История философии древних времен» издавалась в России в свое время.

В советской историографии было принято отсчитывать научность историко-философских знаний начиная с Гегеля, так как он преодолел взгляд на историю философии как на простую хронологическую последовательность философских учений и увидел в ней объективный, закономерный, логико-гносеологический процесс движения философии к достижению конкретной истины, ступени к продвижению которой и представляют собой отдельные философские учения. Впрочем, подлинная историко-философская наука, согласно советской историографии, рождается вместе с марксизмом, с появлением диалектико-материалистического понимания истории философии. Такие воззрения приводили к тому, что отходила в тень и теряла свое значение основополагающая эмпирическая догегелевская история философии, да и вообще обесценивался некоторым образом подобный род историко-философских трудов.

Но в постсоветской России настроения некоторых историографов на этот счет стали несколько меняться. Примером этого служит выступление В. Н. Кузнецова на дискуссии «Что такое философия?», которая проходила в Москов-

ском университете в 1994 г. Материалы этой дискуссии опубликованы в «Вестнике Московского университета» [3]. Он предложил «Остенсивное [лат. *ostensivus* — наглядный. — В. З.] определение [философии. — В. З.], характеризующее ее как совокупность учений Гераклита, Парменида, Демокрита, Платона, Аристотеля, Ф. Бэкона, Декарта, Спинозы, Лейбница, Локка, Дидро, Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Ницше, Гуссерля, Хайдеггера, Сартра, Рассела, Карнапа, Поппера, Витгенштейна вплоть до последнего крупнейшего для нас “репрезентанта” “западной” философии Деррида; а если прибавить сюда русскую философию, то следует упомянуть Радищева, Чаадаева, Герцена, Чернышевского, Вл. Соловьева, Бердяева и многих других. <...> Достоинство приведенного определения состоит в том, что оно в принципе не исключает из философского процесса ни одного учения, которое современниками или потомками признавалось философским». И далее В. Н. Кузнецов высказывает на основании данного остенсивного определения очень важное для историографии истории философии соображение: «Даже на уровне эмпирических сводов “мнений” великих мыслителей, каковыми были подавляющее большинство историко-философских сочинений до Гегеля, они были существенно важны для развития философской мысли и для удовлетворения общественной потребности в философском знании. Я беру на себя смелость утверждать, что без них не было бы и самого философского процесса» [Там же, 12–13].

Далее, точно так же, как историки философии ставят вопрос о развитии философии, следует ставить вопрос и о развитии историко-философского знания. Например, Т. И. Ойзерман пишет в коллективной книге «Методологические проблемы истории философии и общественной мысли»: «Предметом истории философии как науки является развитие философии... Это определение... принимают в настоящее время лишь марксисты, в то время как противники марксизма почти единодушно утверждают, что у философии есть история, но нет развития» [10, 156]. Соответственно и в отношении историко-философской науки нужно определить, имеют ли в ней место развитие, прогресс знания и, главное, в чем он заключается, каковы его критерии. Будет ли это расширение источниковедческой базы, применение новых мировоззренческих подходов и новых методов исследования, ведущих к пересмотру прежних историко-философских концепций?

Что касается основных методологических принципов историографии истории философии, то они, по сути дела, те же самые, что и методологические принципы историка философии. И главный, основной из них заключается в том, что и историк философии, и историограф ведут изучение каждый своего объекта, основываясь на своих мировоззренческих и философских предпочтениях. Данное положение можно назвать основным законом и историко-философской науки, и историографии истории философии. В том и другом случае принадлежность ученого к определенному философскому направлению диктует ему методологическую установку. Скажем, позитивисту — позитивистскую, марксисту — марксистскую. И это хорошо видно во всем. Приведу примеры. Вот мнение Т. И. Ойзермана: «Можно сказать, что структура диалектического и исторического материализма дает ключ к пониманию предшествующей философии.

И действительно, исследование исторических форм материализма, исторических форм диалектики, так же как исследование категорий, в которых материализм и диалектика получают свое адекватное выражение, является первоочередной задачей марксистско-ленинской историко-философской науки» [10, 161]. Теперь обратимся к Льюису, который выражает позитивистскую позицию в истории философии. Он пишет: «Объект настоящей работы — показать, как и посредством чего философия стала позитивной наукой; иными словами, посредством каких методов человеческий ум стал способен завоевать для себя в долгой борьбе столетий свое нынешнее орудие (*modicum*) точного (*certain*) знания» [15, 12].

В качестве примера методологической установки уже в историографии сошлемся опять на диссертацию А. Г. Тихолаза. В автореферате диссертации сказано: «Методологической основой диссертации послужили разработанные классиками марксизма-ленинизма диалектико-материалистические принципы историко-философского исследования. <...> Источниковедческой базой исследования явились труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, касающиеся античной философии» [13, 4–5].

Знание того, каких философских взглядов придерживаются историки философии или, по крайней мере, выражают их публично без внутреннего убеждения — в советское время бывали такие ситуации, — позволяет историографу вполне ясно объяснить тенденции историко-философской науки той или иной страны и исторической эпохи. К этому надо добавить и знание социальной установки историка философии, о которой пишет М. А. Киссель: «Социальная установка — это позитивное или негативное отношение к современной мыслителю социальной реальности, явно вытекающее из принятых им философских принципов или подразумеваемое последними» [7, 170].

Рассмотрим связь методологии, философских и идеологических принципов с некоторыми моментами, присущими советской историко-философской науке. Возьмем за исходное положение определение предмета истории философии, данное в «Кратком очерке истории философии»: «Предмет марксистской истории философии как науки — это история возникновения и решения философских проблем и прежде всего история формирования и развития основных философских направлений — материализма и идеализма, их взаимной борьбы и тесно связанная с ними история становления, развития и взаимной борьбы диалектики и метафизики» [8, 6]. Имея в виду приведенное определение, нетрудно понять, почему историки античной философии уделяли значительное внимание материалисту Демокриту, критиковали идеалиста Платона и, как правило, не находили у него ничего поучительного, разве что в отрицательном смысле; положительно оценивали вслед за Гегелем взгляды диалектика Гераклита и не очень-то жаловали метафизика Парменида; почему существовало такое направление исследований, как «критика современной буржуазной философии» и в порядке вещей были такие историографические формулировки, как «история философии в кривом зеркале современной буржуазной философии». «Критика современной буржуазной философии» даже считалась особой философской наукой наряду с историей философии и другими философскими

науками: этикой, эстетикой и т. д. Все мы, я подразумеваю преподававших в те времена, говорили и писали каждый в таком духе с большей или меньшей долей рвения.

Но по мере освобождения от крайностей идеологического и философского доктринерства историки философии стали по-иному смотреть на реальный историко-философский процесс. Приведу суждения нашего видного историка философии В. В. Соколова: «Сложность взаимоотношений материализма и идеализма... состоит в том, что материализм и идеализм далеко не всегда составляли два взаимонепроницаемых “лагеря”, а в решении некоторых вопросов даже перекрещивались. <...> Противостояние “линии Демокрита” и “линии Платона” нельзя мыслить таким образом, что эти “линии” проходят через всю историю философии как некие параллельные прямые, не соприкасающиеся ни в одном пункте. В действительности такие линии — не прямые, а ломаные во многих пунктах и случаях. Еще определеннее это же следует сказать о проблеме познаваемости мира, в решении которой взаимоотношения двух “линий” еще более сложны. Здесь еще в большей мере, чем в учениях о бытии, более правильно говорить не столько о “линиях” (и тем более “лагерях”), сколько о тенденциях» [11, 54].

Разумеется, советские историки философии руководствовались не только этими общими марксистско-ленинскими принципами. Существовало определенное различие в подходе к истории философии и в методологии в рамках единой системы взглядов. Так, в книге М. В. Желнова «Предмет философии в истории философии» высказывается мнение о зависимости представлений об историко-философском процессе от понимания предмета философии. Он пишет: «Каково понимание предмета философии, таковы и ведущие проблемы исследования историко-философского процесса, ведущие проблемы историко-философской науки» [5, 142]. Исходя из этого, он обнаруживает четыре концепции историко-философского процесса, проистекающих из различий в понимании предмета философии [Там же, 84–87].

«Представители онтологическо-атрибутивных концепций, полагающие, что главным “предметом”, изучаемым философией, является бытие, материя как объективная реальность... видят в историко-философском процессе в основном историю смены... представлений людей о мире, субстанции... История философии превращается в историю “естествознания и техники”». Примером такого изложения истории философии М. В. Желнов считает «Историко-философское введение к курсу марксистско-ленинской философии» А. Д. Макарова (М., 1972).

«Представители логико-гносеологической концепции “предмета философии”... видят в историко-философском процессе главным образом смену представлений о “всеобщих законах отражения бытия в человеческом мышлении”». С таких позиций, по его мнению, написана работа Б. Г. Кузнецова «История философии для физиков и математиков» (М., 1974). Затем М. В. Желнов переходит к сторонникам философско-социологической и деятельностной концепции предмета философии. У них история философии выглядит как процесс смены представлений людей о социальной жизни. К их числу он относит А. Ф. Лосева с его историей античной эстетики. Наконец, он называет «синтетическую

концепцию, исходящую из понимания “предмета философии” как системы взглядов “по наиболее общим проблемам бытия и познания”», которая «видит в историко-философском процессе историю смены и того и другого моментов». В связи с ней он справедливо замечает, что именно на ее основе написано большинство историко-философских работ, потому что, добавим мы, это была официальная советская точка зрения на предмет философии, выраженная в известных «Историях философии» 1940–1943 и 1957–1965 гг.

По поводу методологии вообще в заключение надо сказать, что всегда будет иметь место определенная «партийность» исследователя, как говорили раньше, поскольку у него неизбежно формируется некоторое методологическое «предзнание», представляющее собой взгляды той или иной философской или научной школы.

Уровни историографического исследования также совпадают с уровнями историко-философского исследования. Это может быть изучение творчества отдельного историка философии или историков философии отдельной страны, исторической эпохи, какого-нибудь философского направления, наконец, можно осмелиться на то, чтобы писать всемирную историю историко-философских знаний. Данные уровни исследования методологически в общем соотносятся с тем, что называется историческим методом исследования и изложения, покоящемся на принципе историзма. Однако изучение и изложение историографии по философским направлениям будет иметь отношение также к логическому методу, имеющему место в историко-философских исследованиях, так как здесь вполне возможна систематизация согласно логике процесса познания, соотношения процедур объяснения и понимания, концепций истины и т. п.

Состояние историографических исследований

Несмотря на то, что историографические исследования важны для понимания философских учений, они важны еще и потому, что философские учения, как правило, содержат в себе историко-философский компонент, и почти каждый философ является также историком философии, состояние их у нас, в России, едва ли можно признать удовлетворительным (я не буду говорить «за всю Европу», так как не имею соответствующих данных и сбором их пока не занимался). Особенно это неудовлетворительное состояние в области историографии у философов заметно, если сравнить историографическую работу историков философии с историографической работой историков, у которых данная дисциплина уже давно конституировалась. Не буду умножать сущности и снова приведу в пример книгу А. Л. Шапиро, ибо в философской историографической литературе нет ничего подобного, даже при том, что содержание названной книги ограничено определенными временными рамками.

Итак, историография истории философии пока еще не представлена у нас самостоятельными, отдельными, достаточно объемными работами обобщающего характера. Что же мы имеем в этой области? Не столь уж большое число историографических книг по отдельным, достаточно разнородным темам. Например, М. Т. Иовчук «Г. В. Плеханов и его труды по истории философии»

(М., 1960); А. Ф. Лосев «Диоген Лаэртский — историк античной философии» (М., 1981). Затем три историографических сборника, организованных трудами известного нашего историка философии и историографа Д. В. Джохадзе. Один из них — «Зарубежное философское антиковедение» (М., 1990). В остальном же историографические материалы представляют собой очерки в каких-либо книгах или сборниках, например в книге «История античной диалектики» (М., 1972. С. 241–305), или статьи в тех же сборниках и журналах, освещающие теоретические вопросы историографии, например довольно уж давние статьи А. И. Новикова и Э. А. Каменского, либо посвященные рассмотрению историко-философских воззрений какого-нибудь философа.

В общем, еще раз повторю, что должного внимания историография истории философии у нас пока не получила. И это тем более странно и непонятно, так как наше время как раз должно быть временем историографов, ибо мы отошли в некоторой степени от советской модели истории философии, и то, к чему идут ныне наши историки философии, требует своего осмысления, если мы, конечно, хотим осознать и представить себе настоящее и будущее российской историко-философской науки. Кроме того, в последнее время у нас появилось много переводной зарубежной историко-философской литературы как научной, так и учебной, и это обстоятельство также должно привлекать внимание историографов.

1. *Блонский П. П.* Философия Плотина. М., 1918.
2. *Богомолов А. С.* Диалектический логос. М., 1982.
3. Что такое философия? : материалы круглого стола, МГУ им. М. В. Ломоносова, май 1994 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1995. № 3.
4. *Емельянов Б. В., Любутин К. Н.* Введение в историю философии. М., 1987.
5. *Желнов М. В.* Предмет философии в истории философии. М., 1981.
6. *Звиревич В. Т.* Проблемы историко-философского исследования в синологической литературе // Культуры в диалоге. Вып. 1. Екатеринбург, 1992.
7. *Киссель М. А.* О понятии социальной установки в истории философии // Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. М., 1977.
8. Краткий очерк истории философии. М., 1975.
9. *Лосев А. Ф.* История философии как школа мысли // Коммунист. 1981. № 11.
10. *Ойзерман Т. И.* Некоторые методологические проблемы истории философии // Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. М., 1977.
11. *Соколов В. В.* Основной вопрос философии в его историко-философской конкретности и развитии // Философские науки. 1990. № 8.
12. *Емельянов Б. В., Златопольская А. А.* Отечественное философское антиковедение: источниковедческий аспект // София : рукопис. журн. 2005. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://virlib.eunnet.net/sofia/08-2005/>
13. *Тихолаз А. Г.* Карл Маркс как историк античной философии : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Киев, 1984.
14. *Шаниро А. Л.* Историография с древнейших времен по XVIII век. Л., 1982.
15. *Lewes.* A biographical history of philosophy. Vol. 1. L., 1845.

Рукопись поступила в редакцию 15 мая 2012 г.